

DOI: 10.31857/S013038640018270-5

© 2022 г. Ю.Н. ТИХОНОВ

РОЛЬ «БУХАРСКОГО ВОПРОСА» ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СОВЕТСКО-АФГАНСКОГО «ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ» 1921 года

Тихонов Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

E-mail: tikhlip@mail.ru

ORCID: 0000-003-4017-6951

Аннотация. В период переговоров о заключении первого советско-афганского «Договора о дружбе» между сторонами возникло острое соперничество из-за контроля над Бухарским эмиратом. Бывший протекторат Российской империи играл важную роль в планах большевиков по экспорту революции в страны Центральной и Южной Азии, поэтому они не могли допустить установления афганского контроля над Бухарой. В свою очередь, афганское правительство попыталось использовать дипломатические переговоры с Москвой с целью сохранения независимости Хивы и Бухары. «Бухарский вопрос» был особенно важен для Афганистана, так как афганский эмир Аманулла-хан стремился превратить свою страну в «региональную державу» во главе конфедерации среднеазиатских государств. Как свидетельствуют рассекреченные документы российских архивов, с целью создания «Великого Афганистана» Аманулла-хан хотел добиться от советских дипломатов крупных уступок во всех вопросах, касавшихся Бухары. Первоначально афганский эмир стремился получить согласие от Советской России на раздел Бухарского эмирата на сферы влияния, передачу Афганистану российских крепостей Термез и Керки, особые права над бухарским участком Среднеазиатской железной дороги, свободу торговли. Когда афганцы убедились в слабости советской власти в Средней Азии, они взяли курс на установление афганского протектората над Бухарой. При этом афганские дипломаты трезво оценивали международную ситуацию и понимали, что их претензии к советской стороне имеют определенные границы и не должны сорвать заключение выгодного для Афганистана договора с РСФСР. По этой причине Аманулла-хан с трудом, но смирился с «бухарской революцией» 1920 г., организованной большевиками, а потом пошел на ратификацию подписанного в Москве 28 февраля 1921 г. советско-афганского «Договора о дружбе».

Ключевые слова: Советская Россия, Афганистан, Бухарский эмират, «Договор о дружбе» 1921 г.

Yu.N. Tikhonov

The Role of the “Bukhara Question” in the Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” of 1921

Yuri Tikhonov, the Department of National and World History of the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk, Russia).

E-mail: tikhlip@mail.ru

ORCID: 0000-003-4017-6951

Abstract. During the negotiation of the first Soviet-Afghan “Treaty of Friendship”, a fierce rivalry arose between the parties over control of the Emirate of Bukhara. The former protectorate of the Russian Empire played an important role in the Bolsheviks’ plans to export revolution to Central and South

Asia, making it impossible for them to allow Afghan control of Bukhara. In turn, the Afghan government attempted to use diplomatic negotiations with Moscow to preserve the independence of Khiva and Bukhara. The “Bukhara Question” was of particular importance to the Afghan Emir, Amanullah Khan, who sought to transform the country into a “regional power” at the helm of a confederation of Central Asian states. Declassified records kept in Russian archives reveal that Amanullah Khan was seeking major concessions from Soviet diplomats on all issues relating to Bukhara to create “Greater Afghanistan”. At first, the Afghan Emir sought Soviet Russia’s consent to divide the Emirate of Bukhara into spheres of influence, the transfer of the Russian fortresses of Termez and Kerki to Afghanistan, special rights over the Bukhara section of the Central Asian railway, and freedom of trade. When the Afghans became convinced of the weakness of Soviet power in Central Asia, they set out to establish an Afghan protectorate over Bukhara. At the same time, the Afghan diplomats were sober about the international situation and recognised that their claims had limits and should not derail the conclusion of a favourable treaty with the RSFSR. For this reason, Amanullah Khan accepted, with some difficulty, the “Bukhara Revolution” of 1920, orchestrated by the Bolsheviks, and then agreed to ratify the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship”, signed in Moscow on 28 February 1921.

Keywords: Soviet Russia, Afghanistan, Bukhara Emirate, “Treaty of Friendship” 1921.

В отечественном востоковедении в общих чертах освещены попытки Афганистана добиться от Великобритании «возвращения» полосы «независимых» пуштунских племен в годы правления эмира Амануллы-хана¹ и в период Второй мировой войны, гораздо менее известно об афганских планах в отношении среднеазиатских ханств — бывших протекторатов Российской империи. В советских дипломатических документах начала 1920-х годов для обозначения планов Амануллы в отношении Британской Индии часто использовался термин «южный фронт», а для планов в отношении среднеазиатских ханств — «северный фронт». В рамках одной статьи невозможно осветить всю совокупность спорных вопросов между Советской Россией и Афганистаном из-за Бухары, поэтому главное внимание в работе уделено вопросу влияния «бухарской проблемы» на ход советско-афганских переговоров в Кабуле при заключении договора 1921 г.²

В отечественной историографии советско-афганских отношений без выяснения комплекса причин конфликта интересов двух государств либо констатируется, что «вопрос о Бухаре был весьма сложным и потребовались значительные усилия с советской и афганской сторон, чтобы его окончательно решить в интересах советско-афганского добрососедства»³, либо попытка распространения афганского влияния на Среднюю Азию объясняется лишь экономическими причинами, что также неполно отражает реальную картину событий 1919–1921 гг.⁴

В постсоветский период после рассекречивания большого количества документов НКВД и Коминтерна и снятия цензурных ограничений у отечественных исследователей появилась возможность осветить механику организации большевиками «революций» в Хиве и Бухаре. Прорывной в отечественной историографии советско-афганских отношений стала монография иркутского исследователя С.Б. Панина, в которой на основе дипломатических источников из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) были изучены ранее неизвестные страницы отношений между Советской

---

¹ *Аманулла-хан* (1892–1960) — эмир (король) Афганистана в 1919–1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Великобритании, провел ряд прогрессивных реформ. В 1929 г. вследствие Гражданской войны в Афганистане отрёкся от престола и уехал в Италию.

² Проблема Бухары была составной частью советско-афганских переговоров не только в Кабуле, но и в Москве в начале 1921 г. перед подписанием «Договора о дружбе».

³ *Теплинский Л.Б.* СССР — Афганистан. М., 1982. С. 33.

⁴ Первым советским востоковедом, выдвинувшим эту гипотезу, был И.М. Рейснер. См.: *Рейснер И.* Десять лет внешней политики Афганистана // *Новый Восток*. 1929. Кн. 22. С. 67–86.

Россией и Афганистаном в Бухаре⁵. С.Б. Панин убедительно доказал, что афганское правительство упорно оказывало сопротивление советизации Бухары, так как планировало укрепить собственное влияние в этом бывшем протекторате Российской империи.

Ряд работ историка В.Л. Гениса детально показал процесс подготовки бухарской «революции» руководством Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР)⁶. Освещая ход событий вокруг Бухары в 1918–1920 гг., он затронул вопрос о степени вовлеченности Афганистана в бухарские события, угрожавшие срывом переговорного процесса между Москвой и Кабулом, с целью заключения первого межправительственного договора.

Влияние советско-афганского противостояния в Туркестане на развитие дипломатических отношений между Москвой и Кабулом убедительно показано в работах российского историка А.А. Улуныяна, который в качестве источниковой базы использовал материалы британских спецслужб⁷. Из трудов Улуныяна следует, что, правильно ориентируясь в хитросплетениях региональной политики, Великобритания, вероятнее всего, не располагала полной информацией о ходе переговоров о заключении «Договора о дружбе» 1921 г. между Советской Россией и Афганистаном. Поэтому исследователи, использующие западные источники (даже британские), вынуждены ограничиваться лишь общим описанием истории советско-афганских отношений.

Исследование процесса заключения первого советско-афганского договора затруднено информационной бедностью британских публикаций архивных документов по этой теме. Вероятно, это связано с тем, что сведения о ходе переговоров в Кабуле и Москве добывалась британской разведкой с помощью агентуры⁸.

Восполнить имеющийся недостаток источников можно, изучая российские и афганские архивы, фонды которых хранят до сих пор неизвестные источники о событиях Гражданской войны и дипломатическом соперничестве «больших» и «малых» участников «Большой игры» в Центральной Азии. Недавно рассекреченные документы АВП РФ позволяют осветить основные моменты советско-афганского соперничества из-за контроля над Бухарой в годы становления дипломатических отношений между Советской Россией и независимым Афганистаном. Ценными источниками по изучаемой проблеме являются протоколы советско-афганской комиссии по выработке первого договора между СССР и Афганистаном. Эти протоколы в сочетании с донесениями советского полпреда в Кабуле Я.З. Сурица⁹ позволяют определить позиции Москвы и Кабула по «бухарскому вопросу» в 1919–1921 гг.¹⁰

Обретение Бухарским эмиратом независимости сулило не только весомые выгоды для афганской стороны, но и таило в себе потенциальную угрозу вероятного сближения бухарского эмира с Великобританией. При этом варианте развития событий Афганистан

⁵ Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. Москва; Иркутск, 1998.

⁶ Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001; *Ego же*. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003.

⁷ См.: Улуныян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

⁸ К примеру см.: *Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War* / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002. P. 191–193. Подраздел этого многотомного издания архивных материалов британских спецслужб, посвященный советско-афганскому договору, состоит лишь из одного документа: текста договора на английском языке.

⁹ Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии.

¹⁰ К 100-летию установления советско-афганских дипломатических отношений и 200-летию создания Института востоковедения РАН был опубликован сборник дипломатических и коминтерновских документов, содержащих новую информацию о советско-афганских противоречиях из-за Бухары. Материалы сборника легли в основу данной статьи. См.: Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сборник документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

оказался бы между двух огней: англо-индийские войска могли через Прикаспийский регион выйти к Бухаре и оказать ей поддержку как против большевиков, так и против афганцев, которые, пользуясь слабостью эмирата, проводили политику экспансии в отношении своего северного соседа. Бухарский эмир Алим-хан, искавший поддержки против усилившейся советской угрозы, постоянно удерживался афганским монархом от сближения с Великобританией. В сводке разведки Туркестанского фронта по Афганистану в апреле 1920 г. освещался один из многочисленных фактов такой политики: «В ответ на жалобу эмира бухарского, указывающего на невозможность мира с Советской Россией, так как его подданные, как мусульмане, не могут примириться с поступками “большевиков”, эмир афганский ответил, что именно с Советской Россией необходимо быть в дружбе, так как только в союзе с ней возможно освобождение Востока от англичан — общего врага Афганистана и Бухары»¹¹.

По той же причине афганские войска с самого начала их появления в Бухаре играли двоякую роль: с одной стороны, эта была поддержка эмиру, с другой — сила, контролирующая ненадежного партнера. По этому поводу еще в декабре 1919 г. в одном из своих писем Я. Сурицу глава Отдела внешних сношений Турккомиссии ВЦИК Г.И. Бройдо¹² писал, что афганских войск Бухара «явно побаивается». В разговорах с Бройдо афганские представители в Ташкенте «всегда подчеркивают, что на случай, если Бухара не будет принимать преподнесенных ей “сладких лекарств” (дружеских советов), ими готовится в пограничной с Бухарой полосе “горькое лекарство” (военные силы)»¹³.

Роль «региональной державы» Афганистан играть не мог из-за своей военной и экономической слабости. И все же планы создания конфедерации среднеазиатских государств, с возможным восстановлением при поддержке афганцев Кокандского ханства, привлекали Аманулла-хана и его окружение: установление афганского контроля лишь над одним Бухарским эмиратом сразу давало крупные экономические выгоды Афганистану и значительно укрепляло его позиции в регионе.

Правительственным кругам в Кабуле приходилось считаться и с тем, что рано или поздно большевики попытаются создать «афганский коридор» к Индии с целью экспорта революции в эту британскую колонию. Чтобы избежать с советской стороны силового варианта решения этой задачи, Аманулле был нужен не просто буфер между его владениями и Советской Россией, а «громоотвод», притянувший бы к себе главные силы Красной армии в Туркестане. В одном из своих докладов нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину¹⁴ полпред Суриц, освещая политическую обстановку в Кабуле во время переговоров о заключении советско-афганского договора, писал: «Первоначальные цели, поставленные себе афганской политикой в Средней Азии, не стояли в прямом антагонизме с существованием там советской власти. Они в общих чертах сводились лишь к закреплению в Бухаре, а также установлению контакта с мусульманским движением в Туркестане, что явилось бы надежной гарантией против возможной агрессивности как Англии, так и России»¹⁵. Как показали дальнейшие события в Средней Азии, басмаческое движение справилось с задачей нейтрализации наступательного порыва частей Красной армии в южном направлении.

¹¹ Советская Россия в «Большой игре». С. 105.

¹² *Бройдо Григорий Исаакович* (1883–1956) — советский государственный и партийный деятель, дипломат. В 1917 г. — председатель Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, зам. председателя Туркестанского крайсовета. В 1919 г. — уполномоченный РВС Южной группы войск и Восточного фронта. В 1919–1920 гг. — заведующий отделом внешних сношений Турккомиссии и чрезвычайный уполномоченный в Хиве. В 1921–1923 гг. — заместитель наркома по делам национальностей РСФСР.

¹³ Советская Россия в «Большой игре». С. 80.

¹⁴ *Чичерин Георгий Васильевич* (1872–1936) — советский государственный деятель и дипломат. В 1918–1930 гг. — нарком иностранных дел РСФСР и СССР.

¹⁵ Советская Россия в «Большой игре». С. 214.

Жизненно важным вопросом для Афганистана было обеспечение для афганских торговцев свободного доступа на бухарский рынок: в 1920 г. доходы от экспортных и реэкспортных операций составляли 40% афганского бюджета¹⁶. Эти деньги смягчали ущерб от потери английской субсидии и позволяли афганским государственным финансам держаться на плаву. «Народная революция» 1920 г. в Бухаре разрушила все планы Амануллы извлечь максимальную выгоду от транзитной торговли между Средней Азией и Индией.

Главной мечтой Амануллы было создание «Великого Афганистана», что было невозможно без подчинения Бухары афганскому контролю. Заведующий представительством НКВД в Ташкенте Д.Ю. Гопнер¹⁷ в одном из своих докладов ЦК РКП(б) обращал внимание большевистских лидеров на эту особенность внешней политики эмира-реформатора: «Аманулла-хан мечтал об основании огромного панисламистского государства с включением Северо-Западной Индии, Афганистана, Бухары, Хивы, Ферганы и Пенде с центром в Кабуле и перенесением туда выпавшего из турецких рук халифата»¹⁸.

«Бухарский вопрос» на советско-афганских переговорах о заключении «Договора о дружбе» был одним из самых острых, но все же в 1920–1921 гг. он стоял для Афганистана на третьем месте после проблем с острой нехваткой вооружения и получением субсидии взамен прекращенных Великобританией ежегодных выплат. Таким образом, афганская сторона, ведя ожесточенные споры по ряду пунктов проекта договора, все же была склонна произвести «дипломатический товарообмен» с РСФСР, если первые два ее требования были бы удовлетворены большевиками.

Соперничество между Кабулом и Москвой из-за Бухары началось с первых контактов советских и афганских дипломатов. Первоначально афганцы предложили большевикам разделить Бухарский эмират на сферы влияния, но вскоре отказались от своего предложения, желая превратить всю Бухару в свой протекторат. В ходе переговоров между Амануллой и первым советским полпредом в Кабуле Н.З. Бравиным¹⁹ выяснилось, что под предлогом «защиты независимости» Бухары афганское правительство пытается осуществить (фактически в ущерб своему северному соседу) захват стратегически важных русских крепостей, расположенных на бухарской территории, в Термезе и Керках. Аманулла потребовал от Бравина дать согласие на ввод афганских гарнизонов в эти крепости. Бравин резонно заявил Аманулле, что «если возвращать их, то уж лучше Бухаре, у которой они отняты»²⁰.

16 сентября 1919 г. требование независимости Бухары было выдвинуто афганцами как обязательное условие установления дипломатических отношений с советской стороной²¹. Даже в разгар Гражданской войны в России это требование было признано советскими дипломатами невыполнимым. Получив от полпреда вежливый и логичный отказ, афганская сторона продолжила настаивать на своем.

После прибытия в Кабул в конце декабря 1919 г. Сурица, обладавшего широкими полномочиями для заключения договора с Афганистаном, с новой силой разгорелась борьба вокруг «бухарского вопроса». 13 января 1920 г. на секретном заседании,

¹⁶ Там же. С. 309.

¹⁷ *Гопнер Давид Юльевич* (1884–1925) – советский дипломат. В 1920–1921 гг. уполномоченный НКВД в Туркестане. В конце 1921 г. – советник полпреда в Иране.

¹⁸ Советская Россия в «Большой игре». С. 225–226.

¹⁹ *Бравин Николай Захарович* (1881–1921) – первый полпред РСФСР в Афганистане. Один из немногих царских дипломатов, перешедших на службу советской власти. В 1918 г. – представитель РСФСР в Тегеране. В 1919 г. – полпред в Афганистане. В феврале 1920 г. сложил с себя дипломатические полномочия. В 1921 г. при попытке уехать из Афганистана в Индию убит в Газни афганским охранником.

²⁰ Рапорт в Турккомиссию военного атташе первого советского посольства в Афганистан Б.Н. Иванова, декабрь 1919 г. // Советская Россия в «Большой игре». С. 47.

²¹ Там же. С. 49.

длвшемся семь часов, афганцы согласились на определенных условиях заключить договор с Советской Россией и в течение месяца после доставки крупных партий вооружения в Кабул возобновить войну с Англией. По традиции афганская сторона выдвинула свои требования по Бухаре. С многими из них Сурицу пришлось согласиться, чтобы не сорвать переговоры в самом начале. В донесении в НКВД он сообщил, что был вынужден пообещать «не препятствовать допущению афганских делегатов в особую русско-бухарскую комиссию по вопросам о Термезе и Керках, плаванию по Аму-Дарье, железной дороге»²².

Долгое время, желая сохранить содержание советско-афганских переговоров в Кабуле в секрете от англичан, афганцы категорически отказывались фиксировать свои требования на бумаге. Лишь 5 февраля 1920 г. они сочли необходимым вручить Сурицу ноту с перечнем условий, на которых Аманулла был согласен заключить договор с большевиками. Афганский эмир требовал от советского правительства соблюдения РСФСР гарантий независимости и целостности Бухары; передачу российской железной дороги бухарскому эмиру Алим-хану, но при «соучастии» афганских представителей. Это фактически означало установление контроля Афганистана над этим стратегическим объектом под предлогом, что он является «единственной связью между дружественными государствами – Россией и Афганистаном»; выдвигалось требование передачи Афганистану Керки и Термеза²³.

Два последних условия Суриц, имевший от советского правительства полномочия подписывать соглашения со всеми государствами Центральной Азии, следовательно, и соглашение с Амануллой по Бухаре, категорически отказался принять. В свою очередь, в начале 1920 г. члены Турккомиссии, обеспокоенные проявлением «великодержавности» Афганистана, сочли необходимым продемонстрировать «проблематичность его надежд на захват Бухары, Ферганы и Мервского оазиса»²⁴. Речь шла об усилении отрядов Красной армии в приграничных с Афганистаном районах.

После создания совместной советско-афганской комиссии по выработке условий «Договора о дружбе» «бухарский вопрос» вновь стал объектом острых споров между Амануллой и Сурицем. 24 июня 1920 г. заседание комиссии началось с острой дискуссии, в ходе которой эмир пытался доказать беспочвенность «слухов» о действиях афганцев в Бухаре, а советский дипломат настаивал на том, что его сведения о действиях афганцев в Бухаре «основаны не на слухах, а на точных, добытых органами нашей официальной разведки данных»²⁵.

Чтобы избежать продолжения возникшего спора и перейти к обсуждению условий договора, Аманулла-хан заявил, что «единственным средством поставить дружбу между обоими государствами на прочное, не подверженное никаким колебаниям основание – является договорное соглашение, с подписанием которого необходимо поспешить»²⁶. Однако обсуждение статей афганского проекта, касавшихся Бухары, вновь привело к оживленной полемике между эмиром и советским представителем.

В афганский проект будущего договора с РСФСР были внесены следующие пункты: во-первых, «Россия признает особые интересы Афганистана в железной дороге, проходящей по бухарским владениям, соглашается поручить управление этой дорогой особой комиссии, составленной на паритетных началах из представителей России, Бухары и Афганистана»; во-вторых, «Россия безоговорочно признает независимость бухарского государства [и] передает крепости Термез и Керки Бухаре»²⁷.

²² Там же. С. 90.

²³ Нота афганского правительства, 5.02.1920 г. // Там же. С. 93.

²⁴ Докладная записка заведующего Отделом внешних сношений Турккомиссии Г.И. Бройдо, май 1920 г. // Там же. С. 106.

²⁵ Протокол заседания комиссии по выработке условий договора между РСФСР и Афганистаном, 24.06.1920 г. // Там же. С. 130.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 131.

Аманулла-хан попытался доказать, что статья о совместном контроле трех государств над железной дорогой, проходящей через бухарскую территорию, вытекает из признания Советской Россией независимости Бухары. На этот сомнительный довод Суриц возразил: «Афганские требования и по существу своему совершенно неосновательны. Россия, признавая независимость бухарского народа, не собирается, однако, отказаться от своих интересов в Бухаре, ограждение которых должно быть предметом особого русско-бухарского соглашения. Факт нашего признания независимости Бухары совершенно не равносителен автоматической передаче этому государству всякого имущества, в том числе и железной дороги, принадлежащей России»²⁸.

Афганский проект был составлен в настолько жесткой форме, что Суриц потребовал прекратить его дальнейшее обсуждение, справедливо указав, что «Советская Россия, слава богу, еще не афганская колония»²⁹. Афганские претензии на российскую железную дорогу в Бухарском эмирате он назвал вмешательством в «дела, касающиеся только России и Бухары», что, по его мнению, являлось «неслыханным прецедентом в истории международных отношений между двумя независимыми государствами»³⁰.

Вопрос о совместном контроле над российской железной дорогой в Бухаре фактически был вопросом об афганском протекторате над этой страной, так как целью Амануллы был полный контроль над этой стратегически важной магистралью и прилегающими к ней территориями. Так, при переговорах с правительством ТАССР афганцы добивались переноса бухарско-афганской границы на линию этой железной дороги. Кроме этого, в распоряжении ТуркЦИК имелась информация о попытках Амануллы принудить бухарского эмира отдать левый берег Амударьи Афганистану. Возможно, из-за плохой связи полпреда с Ташкентом Суриц был не осведомлен об этих фактах, но в его распоряжении имелась обширная информация об афганских акциях в Бухаре и на ее границах, поэтому он дал решительный отпор Аманулле. Кроме того, советский дипломат был твердо уверен, что потеря советского влияния на Бухару не входила в планы центрального советского правительства.

Очередной раунд борьбы за контроль над Бухарой произошел 11 июля 1920 г. на заседании советско-афганской комиссии по выработке условий «Договора о дружбе»³¹. Это заседание было лучше подготовлено, чем июньское: обе стороны были знакомы с советским и афганским проектами договора. В связи с этим заседание прошло сравнительно спокойно. Однако и на этот раз по пунктам афганского проекта договора № 13 и № 14, касавшимся Бухары, между афганским эмиром и советским дипломатом возникли трения. Суриц категорически отказался внести в договор между Афганистаном и Советской Россией статью о передаче Керки и Термеза Бухаре. Попытки Амануллы обосновать афганское «участие» в делах Бухары общностью религии двух восточных государств впечатление на полпреда не возымели³².

Вопрос о российской железной дороге в Бухаре на этот раз был поставлен более дипломатично и фактически являлся письменной фиксацией обещаний Сурица, данных эмиру в январе 1920 г. Афганская сторона считала, что «вопрос о функционировании этой дороги следует разрешить так, чтобы независимость и внутренняя, и внешняя свобода Бухары не были нарушены», и поэтому настаивала на присутствии в советско-бухарской комиссии афганского представителя³³. Не отрицая своего прежнего согласия на это требование, Суриц отказался обсуждать с Аманулой и эту статью проекта будущего договора,

²⁸ Там же. С. 133–134.

²⁹ Там же. С. 132.

³⁰ Там же. С. 133.

³¹ Протокол заседания комиссии по выработке условий договора между РСФСР и Афганистаном, 11.07.1920 г. // Там же. С. 137–145.

³² Там же. С. 142.

³³ Там же.

сославшись на новые инструкции, полученные из Москвы³⁴. Чтобы окончательно снять вопрос о судьбе участка Среднеазиатской железной дороги в Бухаре, полпред предложил изъять этот пункт из проекта «политического» договора и рассмотреть его при заключении советско-афганского торгового соглашения.

Не ограничившись тем, что его точка зрения была внесена в протокол заседания советско-афганской комиссии по выработке условий «Договора о дружбе», 17 июля полпред РСФСР направил афганскому правительству специальное письмо, в котором изложил свою точку зрения по каждой статье. В этом документе было четко указано, что вопросы о Бухаре являются «предметом лишь русско-бухарского обсуждения» и не будут внесены в договор между РСФСР и Афганистаном³⁵. Одним словом, афганцам ничего не оставалось делать, как попытаться ускорить решение по их требованиям непосредственно в Москве и ждать начала в Кабуле переговоров о советско-афганском торговом договоре, шансы на скорое заключение которого были невелики.

Настойчивые требования афганского правительства допустить его представителя в комиссию по железной дороге в Бухаре в Кремле было решено удовлетворить. 23 мая 1920 г. советский заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан в телеграмме Сурицу сообщил: «В случае переговоров об уступке Бухаре дороги Керки-Термез, допустим афганпредставителя [с] совещательным голосом на переговоры»³⁶. Однако полпред в Кабуле предпочел не сообщать об этом афганцам. Советский дипломат, видимо, считал эту уступку Москвы ошибкой и решил, что пойдет на допуск афганского представителя в комиссию лишь в крайнем случае, который так и не наступил.

15 августа 1920 г., когда члены Турккомиссии готовили вторжение Красной армии в Бухару, в Кабуле состоялось очередное заседание комиссии по выработке условий советско-афганского договора³⁷. Афганскую сторону представлял уже не эмир, а министр иностранных дел Махмуд Тарзи³⁸. Вопрос о Бухаре вновь вызвал ожесточенные споры между Сурицем и афганцами. Советский дипломат на этот раз попытался полностью удалить из будущего договора с Афганистаном статью, по которой РСФСР признавала независимость Бухары. Суриц вновь категорически отказался обсуждать передачу Бухаре российских крепостей и железной дороги. Несмотря на это, Тарзи в конце 10-часового трудного заседания выразил уверенность, что договор будет заключен, так как в середине августа 1920 г. Аманулла принял решение ускорить подписание договора с Советской Россией. Тарзи был готов на компромисс по многим вопросам, включая бухарский, ради получения современного оружия и ежегодной субсидии.

Уступка с афганской стороны была вынужденным, но необходимым шагом, чтобы не потерять материальную помощь, обещанную Москвой. 18 августа Тарзи заявил Сурицу «о полной невозможности для Афганистана вести в настоящий момент войну с Англией» и желании придерживаться политики строго нейтралитета между РСФСР и Великобританией³⁹. Разумеется, при такой постановке вопроса Суриц сразу же заявил, что «Афганистан не вправе рассчитывать на нашу помощь»⁴⁰. Однако при определенных

---

³⁴ Из-за малой мощности радиостанции советской дипломатической миссии и трудностей с доставкой дипломатической почты из Ташкента в Кабул Суриц не имел регулярной связи с Москвой. Поэтому ссылки полпреда на московские инструкции можно, с большой долей вероятности, считать одной из дипломатических хитростей.

³⁵ Советская Россия в «Большой игре». С. 149.

³⁶ Там же. С. 113.

³⁷ Протокол заседания комиссии по выработке условий договора между РСФСР и Афганистаном. 15.08.1920 г. // Там же. С. 173–183.

³⁸ Тарзи Махмуд (1866–1935) — афганский министр иностранных дел в 1919–1921 и 1924–1927 гг. С 1922 г. — посол Афганистана во Франции; идеолог младоафганского движения; тесть Амануллы-хана. 1929 г. эмигрировал из Афганистана вместе с Аманулой.

³⁹ Телеграмма № 193 Я.З. Сурица в НКВД, 19.08.1920 г. // Советская Россия в «Большой игре». С. 191.

⁴⁰ Там же. С. 192.

афганских уступках в Туркестане и среднеазиатских ханствах, а также гарантии Кабула не заключать с любой иностранной державой соглашений, враждебных Советской России, Суриц признавал целесообразным подписание договора с Афганистаном. Полпред справедливо полагал, что этот дипломатический документ «повлияет на благополучное разрешение русско-бухарских отношений»⁴¹.

Однако руководство ТАССР не нуждалось в дипломатическом урегулировании проблем с Бухарским эмиратом, так как члены Турккомиссии взяли курс на организацию «революции» в Бухаре. Вторжение частей Красной армии в это государство неизбежно должно было вызвать резкую реакцию в Афганистане и значительно осложнить положение Сурица в Кабуле. В связи с этим 26 августа 1920 г. Гопнер направил полпреду радиотелеграмму, в которой предупреждал его о предстоящих событиях и просил любыми средствами обеспечить нейтралитет афганцев во время бухарской «революции». Осознавая, что своими действиями Турккомиссия ставила под угрозу срыва советско-афганские переговоры о заключении договора, ее глава писал Сурицу: «Мы полагаем, что с прокламированием нами независимости Бухары и нашего невмешательства в ее дела и с прибытием в Кабул посольства свободной Бухары неминуемая на первое время в Кабуле буря уляжется. Вам предстоит безусловно тяжелое испытание. Мы полагаем, что, когда пройдет первый страх перед бухарской революцией, Вам удастся вывести Афганистан из состояния колебания, вражды и страха и довести начатое Вами дело до успешного конца»⁴². Турккомиссия выражала надежду, что спровоцированный ею же кризис в советско-афганских отношениях Сурицу удастся преодолеть и вопреки всему заключить договор с Афганистаном.

Советский полпред в Кабуле знал о готовящейся операции Красной армии в Бухаре и опасался ее негативных последствий для переговорного процесса. Поэтому он постарался ценой максимальных уступок ускорить подписание советско-афганского договора. Прежде всего, в конце августа Сурицу пришлось пообещать Аманулле материальную помощь со стороны Советской России, хотя было ясно, что будущий договор потерял значительную часть своей антибританской направленности. 31 августа 1920 г., когда в Бухаре шли бои, о которых афганское правительство еще ничего не знало, Сурицу пришлось отказаться от одних из самых ценных для большевиков статей — «пропаганде» против Британской Индии. Пропагандистскими эти пункты можно назвать лишь условно, так как в афганском проекте будущего договора речь шла о совместных военно-политических шагах Кабула и Москвы с целью свержения британского владычества в Индии. Так, одна из двух так называемых пропагандистских статей (№ 15) гласила: «Если народы Индии, в какой угодно форме, добьются своей самостоятельности и свободы, то Высокие Государства Афганистан и Россия тому не препятствуют и признают их независимость». Советская сторона предлагала усилить этот пункт фразой «и взаимно обязуются содействовать и друг другу помогать для достижения этой цели»⁴³. Статья № 16 должна была превратить Афганистан и советскую Среднюю Азию в укрытие для всех антибританских лиц и группировок, вынужденных бежать из Индии от преследований британских колониальных властей. В ней закреплялись следующие положения: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются иностранным политическим эмигрантам дать убежище на своих территориях, причем иностранные политические эмигранты подчиняются законам обоих государств»⁴⁴. Кроме этого, по предложению Сурица эта статья должна была содержать взаимное обязательство сторон не стеснять политической деятельности эмигрантов на своей территории.

⁴¹ Там же.

⁴² Цит по: Панин С.Б. Указ. соч. С. 59.

⁴³ Письмо полпреда Сурица в ответ на афганский проект договора между РСФСР и Афганистаном, 17.07.1920 г. // Советская Россия в «Большой игре». С.149.

⁴⁴ Афганский проект договора между РСФСР и Афганистаном, 11.07.1920 г. // Там же. С. 147.

Принципиальных возражений у афганцев такая редакция этих двух пунктов не вызвала, так как даже в договоре о «нейтралитете» афганская сторона соглашалась сохранить положения этих «пропагандистских» статей. Суриц, который считал, что подготовка революции в Индии является главной задачей советского полпреда в Кабуле, вынужден был пойти на эту жертву, чтобы ценой уступок смягчить гнев афганских партнеров по переговорам после получения ими известий о «революции» в Бухаре.

В качестве еще одной меры предосторожности Суриц 2 сентября 1920 г. добился от афганских дипломатов согласия на новую редакцию статьи о признании независимости Хивы и Бухары: «Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там не существовала бы согласно желанию их народов»⁴⁵. Таким образом, полпред готовился представить Аманулле события в Бухаре как «народную революцию».

Вскоре информация о свержении бухарского эмира достигла Кабула. 8 сентября 1920 г. Суриц доложил в Москву, что «плохо скрываемое бешенство афганцев сдерживается опасением потерять явные выгоды, которые им сулит договор»⁴⁶. Заверениям советского посла, что события в Бухаре являются делом рук «бухарских революционеров» в Кабуле, разумеется, никто не верил. Заявление Сурица о гарантии Москвы не вмешиваться в дела «будущей революционной Бухары» имело тот же эффект. Однако афганское правительство не отказалось от подписания договора с Советской Россией, так как его заключение укрепляло независимость Афганистана. 9 сентября 1920 г. Суриц отправил в НКВД телеграмму, в которой сообщил, что афганцы «видимо, примирились с фактом переворота [в Бухаре]», поэтому приложили все силы для завершения переговоров о заключении с РСФСР договора о дружбе, статьи которого 13 сентября 1920 г. были парафированы в Кабуле⁴⁷.

Заключение соглашения между Советской Россией и Афганистаном в момент, когда отношения между ними подверглись серьезному испытанию из-за «революции» в Бухаре, было дипломатическим чудом. В связи с этим Суриц направил в НКВД вместе с текстом только что заключенного соглашения обширный доклад, детально объяснявший причины, побудившие Афганистан пойти на сближение с большевиками и одновременно дистанцироваться от событий в Средней Азии. Полпред писал: «Афганистан умывает руки в борьбе мусульман с “большевистским игом”. Дело дальше фраз не пошло, и это учтено мусульманскими массами в Средней Азии. Кабул предпочел нашу помощь неизвестному исходу новой авантюры. Этим он связал себя и на будущее время, ибо эмирство без посторонней поддержки существовать не может, особенно после краха надежды на торговое посредничество между рынками Индии и ханств. Устанавливается длительная зависимость Афганистана от нашей дружбы и помощи, возникает эгоистический интерес в точном соблюдении взятых на себя договорных обязательств. Этим в корне пресекается возможность обращения Афганистана в орудие иностранного империализма. Связав себя с Россией в минуту, когда на редкость благоприятная обстановка толкала на разрыв, Афганистан ясно показал, что отдает себе отчет, что главная опасность афганской независимости все же угрожает от Англии и что основные, жизненные задачи страны лежат не в Туркестане или Бухаре, а в Индии»⁴⁸.

Афганистан не собирался сдавать без борьбы своих позиций в Бухаре, но после ввода в нее частей Красной армии Аманулла-хан был вынужден осуществлять более осторожную политику в «бухарском вопросе». Легкость, с которой в Кабуле смирились с бухарской «революцией», означала, что афганское правительство надеялось поставить под свой контроль лидеров провозглашенной Бухарской Советской Народной Республики

⁴⁵ Панин С.Б. Указ. соч. С. 59.

⁴⁶ Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» С. 83.

⁴⁷ Теплинский Л.Б. Указ. соч. С. 35.

⁴⁸ Советская Россия в «Большой игре». С. 217.

(БСНР), где сформировалась проафганская группировка, видевшая в Афганистане единственный противовес советскому контролю над Бухарой.

Начавшиеся в 1921 г. переговоры между Афганистаном и БСНР о заключении афгано-бухарского договора были использованы Аманулла с целью оказания давления как на советское правительство в Москве, так и на полпреда Сурица в Кабуле. В начале августа 1921 г. глава представительства НКВД в Ташкенте В.М. Цукерман⁴⁹ в письме полпреду в Бухаре К.К. Юреневу⁵⁰ сообщил, что «весь смысл афгано-бухарских переговоров сводится к нажиму на Сурица в Кабуле» накануне ратификации «Договора о дружбе», все же заключенного 28 февраля 1921 г. между РСФСР и Афганистаном в Москве⁵¹. Министр иностранных дел Тарзи, считавший на тот момент более выгодным для Афганистана сближение с Великобританией, пытался использовать советско-афганские противоречия из-за Бухары, чтобы сорвать ратификацию договора.

Недовольство афганцев ситуацией в Бухаре было настолько сильным, что Суриц был вынужден в июне 1921 г. информировать НКВД, что в Кабуле «растет настроение за отказ от русско-афганского договора»⁵². Убежденность афганского министра иностранных дел в необходимости такого шага была искренней. Однако эмир не хотел срывать ратификацию «Договора о дружбе» с Москвой: он стремился получить максимальные уступки от Советской России, используя с этой целью все средства, включая и «бухарский вопрос».

7 июля 1921 г. в Кабул прибыл бывший афганский посол в БСНР Абдул Хади-хан. В течение всего дня Аманулла и Тарзи консультировались с ним о ситуации в Бухаре. Разумеется, афганский дипломат сообщил эмиру, что о независимости БСНР не может быть и речи, так как там находится часть Красной армии. К радости Сурица, Абдул Хади-хан выступил за ратификацию советско-афганского договора 1921 г., несмотря на все «грехи» Советской России в Бухаре. Такая позиция бывшего афганского посла в Бухаре была тем более ценна для советской стороны: Хади-хан фактически признавал провал своей попытки контролировать политику правительства БСНР.

Советское руководство твердо пресекало все попытки Афганистана влиять на ситуацию в Бухаре. Идя на уступки по вопросам афганско-бухарской торговли, чтобы минимизировать финансовые потери афганцев от «революции» 1920 г., Москва категорически не допускала появления даже тени афганского политического контроля над БСНР. Так, инструктируя полпреда Ф.Ф. Раскольникову, сменившего Сурица, о его линии поведения в «бухарском вопросе», Чичерин писал: «Надо соблюдать безусловно мягкую политику в вопросе о Бухаре. Мы не можем допускать афганский протекторат над Бухарой вроде того, который пытался осуществить Абдул Хади-хан, но мы можем доставить удовольствие афганскому правительству видимостью союза двух мусульманских государств, если только из этого не выйдет чего-либо реально опасного, за чем надо следить»⁵³.

3 августа 1921 г. Аманулла-хан созвал в Кабуле совет, который должен был ратифицировать советско-афганский «Договор о дружбе». Перед собравшимися выступил эмир, рассказавший об английских попытках восстановить контроль над Афганистаном и призывавший для укрепления независимости своей страны пойти на сближение с Советской Россией. Среди афганских политиков, поддержавших Аманулла, был и Абдул Хади-хан.

⁴⁹ Цукерман Владимир Моисеевич (1891–1937) – советский дипломат. С августа 1920 г. – врио полпреда в Бухаре. В 1921–1922 гг. – заведующий отделом внешних сношений НКВД в Ташкенте. В 1922–1931 гг. – заведующий отделом Среднего Востока НКВД. В 1931–1937 гг. – заведующий I Восточным отделом НКВД. Репрессирован.

⁵⁰ Юренев Константин Константинович (Кротовский) (1888–1938) – советский военный деятель и дипломат. В 1919–1920 гг. – член Реввоенсовета (РВС) Восточного и Западного фронтов. В 1921–1922 гг. – полпред в Бухаре.

⁵¹ В.М. Цукерман – К.К. Юреневу. 03.08.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 67. Л. 160.

⁵² Донесение полпреда Сурица в НКВД. 18.06.1920 г. // Советская Россия в «Большой игре». С. 420.

⁵³ Письмо № 5 Г.В. Чичерина Ф.Ф. Раскольникову, 10.08.1921 г. // Там же. С. 443.

После его выступления влияние «бухарского вопроса» на ратификацию договора с РСФСР значительно уменьшилось. Афганский дипломат заявил: «Внешняя политика РСФСР чужда духа стяжательств и захвата, благожелательна к исламу, как идее, способной сплотить Восток в борьбе с империализмом. Персия видит в своем северном соседе единственную опору при высвобождении из цепкого охвата английской дружбы. Героическая Турция давно погибла бы в неравной борьбе, если бы не материальная и моральная поддержка Москвы. Афганистан должен идти в ногу с передовыми единоверческими странами и, отвергнув союз с Англией, стараться теснее сблизиться с РСФСР»⁵⁴. Эта точка зрения победила. 11 августа 1921 г. большинством голосов (270 против 7) эмирский совет ратифицировал «Договор о дружбе» между Афганистаном и Советской Россией. 14 августа 1921 г. в Кабуле состоялся обмен ратификационными грамотами⁵⁵. С этого момента «бухарский вопрос» в советско-афганских отношениях потерял свою остроту.

Таким образом, соперничество Советской России и Афганистана из-за Бухары значительно осложнило заключение между этими странами «Договора о дружбе» и сказалось на содержании этого дипломатического документа. Бухарская «революция» 1920 г. разделила переговорный процесс между Москвой и Кабулом на два периода. Первый — конец декабря 1919 г. — сентябрь 1920 г., в это время независимый Афганистан планомерно пытался уничтожить российское влияние в Бухарском эмирате с целью установить фактический протекторат над ним. Аманулла-хан стремился юридически закрепить свой контроль над Бухарой в обмен на заключение с РСФСР «наступательно-оборонительного союза» против Великобритании. Бухарская наступательная операция Красной армии 1920 г. продемонстрировала афганскому правительству, что ни на какие сделки по «бухарскому вопросу» большевики не пойдут. В ответ Аманулла настоял на исключении из текста будущего договора с РСФСР всех «пропагандистских статей», допускавших антибританскую деятельность против Индии с афганской территории. Суриц по своей инициативе был вынужден согласиться на это. 13 сентября 1920 г. соответствующий документ был подписан в афганской столице.

Второй период — октябрь 1920 г. — август 1921 г., когда афганская сторона превратила «бухарский вопрос» в рычаг давления на советское правительство при ратификации подписанного в Москве 28 февраля 1921 г. «Договора о дружбе», чтобы получить от большевиков оружие и ежегодную субсидию. В начале 1921 г. начались переговоры о заключении договора между Афганистаном и Бухарской Советской Народной Республикой. Афганский проект этого соглашения включал в себя многие статьи, которые ранее не согласился включить в «Договор о дружбе» полпред Суриц. Эти, как и все последующие, шаги афганской дипломатии в Бухаре были пресечены советской стороной. Здравомыслящие политики в Кабуле вынуждены были признать крах своих планов по установлению афганского контроля над Бухарой. В результате в августе 1921 г. «Договор о дружбе», предусматривавший предоставление Афганистану советской военной и финансовой помощи, был ратифицирован афганской стороной без каких-либо осложнений.

Библиография

Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001.

Генис В.Л. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003.

Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. Москва; Иркутск, 1998.

Рейснер И. Десять лет внешней политики Афганистана // Новый Восток. 1929. Кн. 22. С. 67–86.

⁵⁴ Там же. С. 450.

⁵⁵ Панин С.Б. Указ. соч. С. 50.

Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сборник документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

Теплинский Л.Б. СССР – Афганистан. М., 1982.

Улуян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002.

References

Genis V.L. “S Bukharoy nado konchat'...” K istorii butaforskikh revolyutsiy. Dokumental'naya khronika [“It is necessary to finish with Bukhara...” To the history of fake revolutions. Documentary chronicle]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Genis V.L. Vitse-konsul Vvedenskiy. Sluzhba v Persii i Bukharskom khanstve (1906–1920). Rossiyskaya diplomatiya v sud'bakh [Vice-Consul Vvedenskiy. Service in Persia and the Bukhara Khanate (1906–1920). Russian diplomacy in the fates]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Panin S.B. Sovetskaya Rossiya i Afganistan. 1919–1929 [Soviet Russia and Afghanistan. 1919–1929]. Moskva; Irkutsk, 1998. (In Russ.)

Reysner I. Desyat' let vneshney politiki Afganistana [Ten years of Afghanistan's Foreign Policy] // Novyy Vostok [New East]. 1929. Kn. 22. S. 67– 86. (In Russ.)

Sovetskaya Rossiya v “Bol'shoi igre” (1919–1925): sbornik dokumentov / sost. i predisl. Yu.N. Tikhonov [Soviet Russia in the “Big Game” (1919–1925): a collection of documents / comp. and preface by Yu.N. Tikhonov]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Teplinskiy L.B. SSSR – Afganistan [USSR – Afghanistan]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Uluynan A.A. Turkestanskiy platsdarm. 1917–1922: Britanskoye razvedyvatel'noye soobshchestvo i britanskoye pravitel'stvo [Turkestan bridgehead. 1917–1922: The British Intelligence Community and the British government]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002.